

А. А. РЯБИКОВ

КАШЕМИР

WORLDWIDE
KOVILS

A Global
Threat

FUSED
AGAINST ME!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Александрович Рябиков

Кашемир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55107806

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга – одна большая ода пустым разговорам и случайным встречам. На протяжении всей книги главный герой встречает разных людей, с которыми беседует обо всем и, в то же время, ни о чем. Люди, что встречаются на жизненном пути Джуда, разные, как и их истории. Наркоманы, бытовые нацисты, душевнобольные пилигримы и бывшие диссиденты – каждый расскажет свою собственную историю. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 0. Introduzione	4
Часть I. Country Life	5
Глава 1. Sunday Morning	5
Глава 2. Summer Rain	17
Глава 3. Garageland	36
Глава 4. Something In The Way	47
Глава 5. Last Days Of Summer	58
Глава 6. Road To Nowhere	65
Часть II. Moscow Madness	71
Глава 7. Walking Disaster	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 0. Introduzione

Небольшое послание, написанное простым карандашом на обратной стороне тетрадки, гласило: "Слушай, я тут перечитывал свои записи, в последний раз, и хочу тебе сказать: Мне кажется, что после всех событий, что произошли со мной в последние годы, я и правда потерял самого себя. Описывая некоторые события, я, возможно, грешу против правды, вкладывая в уста моих собеседников фразы, которые являются, в действительности, отражением моих взглядов. Это касается, в частности, ранних событий, потому как я пытался привести эти записи в порядок уже находясь здесь. А ты сам видишь, в каком я состоянии. В общем, поступай с ними на свое усмотрение. Береги себя, Эллиот. С любовью,

...

Часть I. Country Life

Глава 1. Sunday Morning

“Ох, как тяжело, вот это я засиделся за компом. Девять утра почти, мда. Хорошая партейка вышла, ничего не скажешь. Надо кофейку выпить. Ложиться уже тогда не буду. Классное всё-таки состояние на следующий день после бессонной ночи. Мне определенно нравится. Блин, я под нос это всё себе бормочу? Кошмар какой. Вот с бормотанием надо завязывать, а то это странно выглядит со стороны. Вон и кот со мной согласен. Смотрит злобно и осуждающие.”

Раздался стук в дверь.

– Ну кого там еще принесло в такую рань, а?

– Джуд, открывай, это мы! Хорош за компом сидеть, пошли прошвырнемся. Лето всё-таки началось.

– Ох блин, ребят, я же не спал всю ночь. Ща. Дайте хоть кофе выпью. А куда пойдём-то?

– Нууу...

– Приятель, не тяни, тяжело же. Чего ты лыбишься?

– Ну девятый класс мы закончили. Отмучались, наконец-то. Обмыть надо. У нас с собой сиська бегбира. Да и

ребята в сквере собираются, чего-нибудь припасено у них. Пойдем, не тупи.

– Ну да, это дело благое. Пошли?

Мы двинулись в сторону сквера.

То лето было особенным, такое зеленое и очень мягкое. Наверное, это можно так назвать. Тогда было ни холодно, ни жарко, хорошая, приятна погода. Везде пахло зеленью, а потоки воздуха и лучи солнца будто бы проходили сквозь тебя. Вместе с тем, это лето хранило в себе ощущение какой-то вселенской печали. И все мы это чувствовали. Это, в самом деле, был конец нашего детства, наверное. До конца я в этом не был уверен. Я должен был уехать, я не мог не уехать. У других тоже были какие-то планы. Наша школьная тусовка должна была остаться лишь воспоминанием. Поэтому мы и проводили всё свободное время вместе. Ухитрялись покупать пиво, пытались как-то самовыражаться, ну и чем там еще тинейджеры в этом возрасте занимаются.

– Во что рубился-то?

Я отвлекся от созерцания природы.

– А? Ты что-то сказал?

– Рубился ты во что говорю, полуночник? На ходу залипаешь, что ли?

– А! Да в "Героев", само собой. Карту там годную нашел, да засел на всю ночь. Ну ты понял.

– Ага, потом покажешь? Там на двоих можно же?

– Вроде как нет, но мы всегда можем подкрутить любую карту в редакторе, верно?

– Уж нам ли не знать.

Тем временем мы дошли до парка. Там уже собралась достаточно большая компания. Кого-то из них мы знали, а кого-то нет. Не думаю, что это было такой уж большой проблемой. Новые лица – это всегда хорошо. Есть вероятность, что они окажутся действительно интересными людьми, а не пустышками с какими-то претензиями на "гениальность".

В целом, мы неплохо сидели. Вся компания, как это бывает, постепенно дробилась на малые группы. Мы, предусмотрительно прихватив с собой пару бутылок дешевого вина и непочатую пачку сигарет, перебрались посидеть на речном причале.

Я, налив себе пластиковый стаканчик вина, перебрался поближе к воде, разглядывать рыбок.

– Пипец ты во всё черное вырядился! Ты чё, гот какой-нибудь или еще кто?

Какая-то девушка уселась рядом.

– Или ещё кто, – сказал я улыбаясь – просто нравятся темные тона одежды. Не в белый же мне одеваться, это было бы ужасно. Есть еще розовый, конечно, вот как твоя футболка, но сама понимаешь.

– Ага. Меня Машей звать.

– Ок, значит будешь Мари. Приятно познакомиться, Джуд.

Я протянул руку.

– Джуд? Чё это за имя такое вообще?

– Ну, Джуд, как в песне Битлз.

– Битлз?

– Ну да... ох, забей. Меня и правда так зовут.

– Ладно, проехали. Глянь на меня. Вот скажи, зачем ты себе челкой глаз закрываешь? Во-первых, это стремно выглядит. Ну-ка... это чего, линза у тебя?

– Не, они правда разные. Один голубой, другой зеленый. Почти как у Дэвида Боуи, или бездомного кота, что в моем дворе ходит. Вообще, наверное, выглядит пугающе со сторо-

ны. Я-то вроде как привык.

– Нуууу, – протянула она

– Ну понятно, а ты спрашиваешь зачем мне челка понадобилась. Хах. В том числе и за этим. И... прям совсем стремная челка?

– Мне не нравится. Оглянись вокруг, ты один здесь такой. У всех нормальные короткие стрижки, а у тебя что? Хотя может и найдутся ценительницы.

– Или ценители, – я засмеялся.

– Эммм... в плане?

– Да не бери в голову. Шучу.

– А, хорошо. А то я уж подумала, что ты из этих.

– Да не, я вроде как не голубой, если ты об этом. Энди, конечно, милашка, но не мой типаж. Так, Энди?

– Иди-ка нахер со своими подъёбами, Джуд

– Какой милашка, а? Ты так не считаешь, Мари?

– Чувак, кажись тебе хватит вина, раз к парням кадриться пытаешься. И еще, скажи пожалуйста, какой нахер Энди?

– Уорхол, ха-ха. Или ты про моего товарища? Просто Энди, а почему, собственно, нет? Нравится мне знакомым вестернезированными имена давать. Это лучше, чем мы будем себя какими-то псевдо-бандитскими кличками звать, разве нет?

– Наверное.

Мне уже порядком надоело пытаться разглядеть рыбок в мутной воде, поэтому я шлепнулся на спину, предварительно кинув рюкзак себе под

голову.

– Эй, чувак, ты чего? Всё нормально?

– Ну да, еще не помер, не переживай. Хочу облака поразглядывать. Присоединишься?

– Ну да, почему нет, собственно.

– О! Моими фразочками заговорила уже. Видать, совсем я тебя загрузил.

– Да не, вроде нет. Я ж еще тут, а не убежала, так?

– И то верно.

– А ты это, что слушаешь-то?

– Тяжелая всякий, альтернативу там, ну ты поняла, в общем.

– Ну да, я так и подумала, в самом деле. Не, я всё-таки немного другую музыку люблю. Более электронную, ритмичную что ли.

– Жаль.

– Жаль?

– Ну да. Это же значит, что на тему музыки у нас разговор не получится. А я только про дедов хотел рассказать.

– Каких ещё дедов, Джуд, вино накрыло?

– Да чего ты заладила, с вином-то, а? Хах. Когда мысли путаться начнут, вот тогда действительно хватит. Роковых дедов. Не знаю даже кого назвать, Роллинги, Лед Зеппелин, Пинк Флойд, Мотли Крю там. Судя по твоему лицу, я с тем

же успехом мог бы демонов на латыни вызывать.

– Ну да, из тяжелых я знаю только тех, что по телеку иногда крутят. Некоторые такие жуткие, прям брр. И от музыки этой, наверное, голова болит.

– Ок, правда, Мари, давай оставим тему? Смотри какое облако – похоже на бомжа, который в мусорке роется.

– Да иди ты, на какого бомжа еще? – засмеялась она.

– Вонючего. Разве бывают другие?

– А вообще, чем еще увлекаешься? Кроме того, что де-дов-рокеров слушаешь, конечно.

– Меня такие вопросы в тупик всегда ставят, честно говоря. Нам же в школе говорят учиться и готовиться к взрослой жизни и больше не думать ни о чём. Конечно, тут не совсем понятно, когда, собственно, жить, но это наших сен-сеев, вроде как, не сильно смущает.

– И всё же?

– Как и все, понятное дело. Книжки читаю, в игры играю, кино смотрю иногда. Вот спорт не люблю от слова совсем,

только с Энди иногда в бильярд ходим.

– А какое кино?

– Почему-то, Мари, я думаю, что тут мы вкусами не сойдемся. Да и не так много фильмов я гляжу. Переберусь в Москву, там интернет получше будет, чем в нашем захолустье, наверстаю упущенное. Прочел интересную книжку про авторское кино, составил список того, что поглядеть в первую очередь. Подозреваю, что редкостная тягомотина. А это значит, что самое по мне кино. Тут вот пару ночей назад Калигулу глядел. Не поверишь, даже понравилось.

– Калигула? Это же вроде порнуха какая-то древняя, не?

– По жанру да, считается близко к этому. А так, кто что там высмотреть пытается, в самом деле. Я, кстати, не очень уверен, что без всей этой обнаженки и пошлятины фильм бы передавал дух эпохи. Мари, ты еще не утомилась мои бредни слушать?

– Да нет. Ты знаешь, приятель, просто это странно. Обычно на всяких посиделках ведутся другие разговоры, более простые, что ли. Ну, ты понял.

– Ага, little talks.

– Что прости?

– Little Talks, термин такой для обозначения таких разговоров.

– Окей, не знала, теперь буду. Как думаешь, тут уточки водятся?

– Уточки?

– Ну да. Мы уже столько сидим, а еще не было ни одной уточки.

– Да? Знаешь, вроде я их никогда тут не видел. Вот змеюки водятся, сколько угодно. Уж поверь мне. А уточки, если честно, без понятия, может и гнездятся где-то. Почему бы им и не делать этого. Подальше от людей.

– Ну да. Жаль. Люблю уточек, они милые. Эх, моя компания, видать, в сторону дома собирается. Значит и мне пора. Обнимемся на прощание?

– А, да, само собой.

Мы обнялись, она догнала своих подруг, и они двинулись в сторону дома. Я подкурил свой синий Пэл Мэл.

– Эй, Джуд, свидимся! – крикнула она издалека и пома- хала рукой.

– Ну да, может быть, только зачем? Нам даже не о чем с тобой поговорить – пробормотал я себе под нос и улыбнув- шись, помахал ей рукой в ответ.

– Херли ты уссываешься, чёрт пивной?

Энди сидел прямо на траве, допивая пивную баклаху.

– Закончил подружку окучивать? Ты б себя видел. Улы- баемся и машем, ага.

– Иди знаешь куда, товарищ. Хах.

– Но вообще вроде даже красивая. О чем вы там пиздели так долго?

– Красивая? Может быть, не знаю. Разговор по интересам не сложился. А по уточек общаться такое себе развлечение. Ты скажи мне лучше, тебе от пива твоего хуево не будет? Сколько ты выпил?

– Всю баклаху и выпил.

– Хуя ты, пьянчуга. Дойдешь?

– Дойду, конечно. А ты?

– Вот надеюсь, в самом деле. Тяжко пить после того, как всю ночь не спал. Интересно, привыкнет ли когда-нибудь организм к бессонным ночам? Я чувствую ночью себя гораздо лучше, чем днем.

Глава 2. Summer Rain

"Ну и погано же мне было после той попойки. Видимо, переносимость алкоголя приходит с возрастом, или опытом. Или может не нужно курить, когда пьешь? Впрочем, какая разница, вон Энди как-то справляется же. Боги, я там действительно с какой-то девчонкой проболтал всю попойку, или мне это приснилось потом? Вроде это действительно было. Надеюсь, что я не наболтал всяких глупостей, как обычно это бывает. Ох, нахер так жить? Хотя о чём это я, пока меня это развлекает. Чего бы послушать? Чего-то всё поднадоело. Надо будет аудиотеку пополнить, в самом деле. М? Ну да. Пусть будет Лед Зеппелин. Хотя я и не очень понимаю, почему к ним с таким восхищением относятся. Узнаваемый саунд, да. Но на этом, наверное, их достоинства и заканчиваются. Может быть еще не дорос и не понимаю всей прелести их. Как я от Пинк Флойдов плевался в тот первый раз, когда их услышал. Подумал, чего это за херня джазовая? Где тяжесть, электрогитары и вот это вот всё? Какое же это было ошибочное впечатление! Чем бы заняться? Может поиграть? Да нет, что-то не очень хочется. Только сначала, пожалуй, заварю себе чая. С корицей. Он всегда напоминает мне о зиме, такая меланхолия накатывает. Итак, чтобы мне почитать? Толкина я закончил, что теперь? М, "Большие На-

дежды", Диккенс. Это же по ним была серия в Саус Парке? Должно быть интересно. Оливер Твист же мне понравился. А за окном всё такая же хорошая погода. Где моих товарищей носит, хотелось бы мне знать. Ладно, приступим к чтению, ох."

Я читал, не отрываясь, часа четыре. Диккенс мне нравится. Несмотря на то, что его книги довольно грустные, ты ждешь в них хеппи энд. Даже в "Призраках Рождества" он есть, хотя, казалось бы. Впрочем, я не всю его библиографию осилил, может быть там есть и другие концовки. А вот русская литература – это другое, хеппи энда там не ждешь. Там лишь грусть, которая никогда не закончится. Истории о маленьком человеке, истории о лишнем человеке, о самодурстве, о безразличии. Безразличии, что приводит к трагическим последствиям. Какой добрый посыл несет, скажем, "Бим"? Там вроде и счастливый конец, подразумевался, по крайней мере, как мне кажется. А размышляя над ним, задумываешься, как все его герои не перевешались на лесополосе. Хотя, может быть, я не понимаю всей прелести той эпохи, так как не застал те времена. Оно и к лучшему, в самом деле. До совершеннолетия я бы там не дожил, это как пить дать. Я открыл окно, уселся на подоконник, подкурил сигарету. На улице было так свежо, совсем не было ветра. Чирикали птички. Вдалеке было видно окружную дорогу, но машины по ней проезжали так редко, что иногда можно было забыть

звук проезжающего автомобиля. На фоне играла "Лестница в небо" Цеппелинов. У меня были табы этой мелодии в самоучителе по губной гармошке. Я открыл самоучитель, взял гармошку, попробовал подыграть. Вроде бы и получилось. Хотя кто бы это мог подтвердить или опровергнуть? Я был один.

"Ничего, научусь рано или поздно. Буду как Боб Дилан. Или не буду. Кем я, собственно, хочу быть? Я и сам не знаю. Человеком, в первую очередь. Хотя, подозреваю, что в школе такой ответ будет неприемлем. Ведь нужно стремиться быть кем-то. Как можно раньше примерить маску социальной роли и следовать ей. Быть кем-то. Космонавтом-астронавтом. Но не человеком. Интересно, те алкаши, что спят на трубах за

школой, в своем сочинении в старших классах написали что? Что они хотят стать алкашами? Или же они хотели быть как Гагарин, но где-то свернули не туда. Кто бы мне ответил на этот вопрос. А я? Может журналистом стать, в каком-нибудь журнале про путешествия. Ездить по миру, смотреть на быт людей, писать об это очерки. Это же очерком называется?"

Стук в дверь отвлек меня от моих мыслей.

– Кто-там ещё?

– Джуд, это я, открывай, дело есть!

Я открыл дверь. На пороге стоял Энди, ехидно ухмыляясь.

– Какое дело?

– Секрет. Собирайся, погнали на Заброшку.

– Ммм... ок, заинтриговал. Пару минут, переоденусь.

Заброшка. Огромное, незаконченное мега-сооружение советского времени. Строительство его началось еще при Брежневе и остановилось вместе с распадом Союза. Говорят, таких призрачных строек много раскидано по постсоветскому пространству. Руины, напоминающие о человеческой гордыне. Рано или поздно природа сотрет в пыль и эти мегалиты двадцатого века. Всегда, при взгляде на эти пейзажи, вспоминаю "Озимандию" Шелли. Теперь Заброшка была прибежищем наркоманов, бомжей и прочих асоциальных личностей. Само собой, нас прямо-таки тянуло туда.

Я собрался, мы вышли из дома.

– Эй, Джуд, лови! – Энди, мне кинул что-то

– Что это? – я разглядывал пойманный предмет

– Сегодня ты за рулем, приятель.

– Ты чего, у меня же нет прав.

– Как будто у меня они есть. Не ссы, не поймают. А если поймают, отсутствие прав – это последнее, что будет на беспокоить.

– Что?

– Увидишь. Поехали! Вон наша карета.

Бордовая четверка была припаркована у гаражей.

– Окей, Энди, объяснишь мне, что к чему. Куда жать, чего крутить.

– И дорогу покажу. Как в Колина Макрея мы в пятом классе играли, помнишь? Там инструктор предупреждал о поворотах.

– Да, было весело. А потом я засел за Циву. И выпал из жизни.

– Ага, помню. Ты бомбил папуасов ядерными ракетами.

– Именно.

– Ты ведь её так и не закончил?

– Не, у меня там столько юнитов и городов уже было, что ход по несколько часов делать приходилось.

Мы сели в машину. Дышать в ней было проблематично, так как она вся была пропитана табачным дымом. Он пропитал, как мне показалось, собой весь салон. Я даже не уверен, оставался ли внутри машины кислород, настолько там было накурено.

– Привет ребят, как вы здесь не померли еще, дышать ведь просто невозможно.

– Здорово, Джуд. Поверь, мы пытались открыть окна, но посмотри внимательнее на двери. Отрыть их можно только плоскогубцами, судя по всему.

– Замечательно. Энди, признавайся, где ты спер этот танк?

– Я его не спер. Честно. Мне друг его оставил. Помните, белокрысый такой у меня жил, от армии скрывался? Вот он. Отбегался. В награду оставил эту четверку, сказал, что можем развлекаться.

– Окей. Скажи, если я её сейчас в реке утоплю, твой белокрысый друг тебя сильно отпиздит? Будем тебе передачи в больницу носить?

– Может быть и сильно, но ты, Джуд, этого уже не увидишь. Так как я тебя утоплю в реке рядом с машиной.

– Не боишься, что мой призрак к тебе потом по ночам будет приходить?

– Неа, не боюсь. Ладно, вроде все в сборе. Поехали?

– Давно пора. Поставь музыку какую, что ли. Только не “русский рок” свой, прошу тебя.

– Как будто, у тебя есть выбор. Ха-ха. Сегодня я диджей.

– Поставь из дедов тогда чего. У тебя тут где-то “Дип Перпл” должен быть же. Всяко лучше Цоя с Хоем.

Мы ехали, играла “Highway Star” Перплов, я следил за дорогой. Это было действительно круто, я чувствовал себя живым. Правда, в глубине души, я боялся, что нас схватят фаераоны и тогда нам несдобровать. Мало того, что это непонятно чья машина и у нас нет прав, но я даже не знаю, что в багажнике. Может быть мы везем дохлую шлюху закапывать на Заброшку. Энди же не сказал. А может его труп его белобрысого друга. Тогда и понятно, откуда машина взялась. Я решил уточнить, так, на всякий случай. Мало ли.

– Эй Энди, скажи мне пожалуйста... Мы точно не труп твоего белобрысого друга везем на Заброшку закапывать? А то смотри, надеюсь, что ты его в целлофан замотал хорошо. В противном случае, нам не отмыть потом багажник. Я в сериале про копов это видел. Тачку потом только в утиль.

– Ебать у тебя фантазия, чувак. Не, не беспокойся. Ника-

ких трупов. Никаких лопат. Ща увидишь, мы же почти на месте. Будем сейчас, как настоящие американские тинейджеры, вот увидите.

Мы прибыли на место. Бросили машину на небольшом песчаном пустыре у камышей. Выгрузились. Энди доставал что-то из багажника.

– Ну всё, ребят, походу конец нам пришел. Энди берданку достал. Ща порешает нас. И никто нас не спасет. Потом на суп бомжам-каннибалам пойдем.

– Энди, не убивай нас! Пожалуйста, мы же твои друзья. Ну же. Зачем ты так с нами!

– Бля, вот вы дебилы. Помогите лучше бутылки расставить. Вон на тех кирпичках. Ща палить по ним будем. Как настоящие ковбои.

– Ружье-то ты где спиздить ухитрился, чёрт?

– Ружье от деда осталось. Так что не пиздил.

– Патроны же, наверное, на счету? Там потом за них отчитаться нужно будет, или как? Я что-то путаю?

– Не в этом случае, приятель. Оно – незарегистрированное. На бумаге оно никогда не числилось. И одному деду и было известно, откуда он его откопал. В буквальном смысле. Оно из схрона или типа того.

– То есть?

– То есть мы можем веселиться. Зачем же оно еще нам может понадобится, ну? Кстати, достань сумку с пивом из

багажника. “Невское”, самое то сейчас. Как по мне, гораздо вкуснее “Балтики”. Еще и в банках, говорю же, как америкосы прям.

– В самом деле, неплохо ты это всё придумал. Проблем точно не будет?

– Не переживай ты, всё ок. Нам нужно расслабиться после всех наших дел ратных. Я очень устал. Ты, я думаю, устал гораздо больше меня. Подожди-ка... Хуяк, блядь! Эх, промазал. Попробуешь?

– Да, давай, почему нет. Попробую в водочной попасть. Она крупнее.

Я присел на одно колено, прицелился, выстрелил. Не попал. Отдача дернула меня знатно, конечно.

– Ебать ты, конечно, из себя мушкетера строишь. С колена стреляешь, как в фильмах про Наполеона.

– Слушай, стреляй я стоя, я бы уже на спине в этой луже бы валялся.

– Это верно. Я чего спросить у тебя хотел...

– А?

– Вот эта твоя чёлка, черная одежда... зачем это всё? Я не очень понимаю.

– Ну, как тебе сказать. Хочу немного поэкспериментировать с внешностью, одеждой. Найти пару-тройку образов, которые меня устроят и вжиться в них. В самом деле, с запозданием это делаю, как мне кажется. Раньше надо было.

– Ты еще башку покрась в довесок.

– А почему бы и нет? В красный, хотя нет. В цвет морской волны. Самый по мне цвет. Буду такой морской. И обязательно разживусь кашемировым свитером.

– Господи, это еще зачем?

– Чтобы быть как девочка из японских мультиков, очевидно же! Ты бываешь иногда таким недалеким.

– А я иногда начинаю думать, что ты и правда пидор, только не признаешься в этом. Просто я уж не знаю, как вот эту твою хуйню комментировать. О, придумал! Ты – латентный трансвестит. Вот!

– А такие бывают?

– Без понятия. С подружкой своей не виделся?

– Какой еще подружкой?

– Ну этой, с который ты на причале пьянствовал.

– А, не, я ж дома сидел. Персов в “Мече и Магии” качал.

– Блин, странный ты. Почему? Я правда не понимаю.

– Что именно? Ты же не думал всерьёз, что я буду за первой попавшейся девчонкой бегать?

– А почему нет?

– Ну, сложно объяснить. В самом деле, мне просто не о чем с ней общаться. Вроде как я тебе уже говорил об этом.

– А может быть поучилось бы что-нибудь...

– Или нет, верно? Это, в самом деле, более вероятно. Пойми, мне бы не очень хотелось растрачивать энергию и, что более важно, время на не особо интересные мне... ммм, какое слово бы употребить? А, ну да, занятия. Я лучше с тобой

во пиво попью, про херню всякую потремим.

– Ок, убедил. Иногда я забываю, что ты у нас с прибабахом немного.

– Но именно это и делает меня мною, не так ли?

– Да, в противном случае, многое могло бы быть иначе.

Скажи только, так, ради интереса, ты ищешь кого-то определенного? Там с какой-то внешностью, не знаю, набором качеств.

– Ну, как тебе сказать. Я ищу Человека. Как Диоген в Древней Греции, помнишь?

– Это который в бочке жил?

– Ну да. Вообще, в пифосе. Это что-то вроде большой вазы, кажется. Но в народной памяти осталась бочка. Еще он подрочить прилюдно любил. Прямо на площади.

– Блядь. Вот без этого можно?

– Как же без этого, чел. Это исторический факт!

Я многозначительно поднял указательный палец вверх и рассмеялся.

– И про этих людей мы проходили в школе. Их называют мудрецами. Нет ли здесь наебалова, а, Джуд?

– Ох, я как-то думал об этом. Мне кажется, что сейчас бы они, все эти древние мудрецы, плохо бы закончили. Спились бы, бомжевали, еще чего-нибудь. Блин, пиво закончилось, жаль.

– Не расстраивайся, тут у меня в запасе кое-чего покруче. Та-дам!

Энди выудил из багажника бутылку виски, баклаху колы и упаковку пластиковых стаканчиков.

– Уф, приятель, это круто. Но нам еще тарантас до твоего дома отогнать надо. Ты помнишь об этом?

– Помню. Не ссы, доедем! Эй, бандиты, хорош патроны тратить, присоединяйтесь! Смотрите какая собака пиздатая на ней нарисована, эх. Шерсти с такой полно, наверное.

Мы сидели на капоте автомобиля, болтали на отвлеченные темы, сплетничали и пили наш виски с колой.

В тот раз он был очень уж крепкий. По неопытности, мы переборщили с пропорциями и колы там было гораздо меньше, чем виски. Не спорю, возможно, что кому-нибудь так нравится больше. Однако, я, к слову, после того раза, мешаю этот коктейль в пропорции 30 на 70. Где 30 – это виски. На глаз, конечно. Из машины доносились саундтреки из НФС. Тогда еще в них преобладал всякий альтернативный рок и металкор. При отсутствии нормального, высокоскоростного интернета, каждая группа и песня были настоящим открытием и заслушивались до дыр. Была определенная романтика в этом всём.

– Эй, Джуд, чего ты вылупился на Заброшку, как будто видишь ее в первый раз?

– Да так, думаю сходить внутрь, надписи на стенах почитать. Может пару названий групп найду. Как с Металликой

и Нирваной получилось, помните?

– Конечно, за углом школы, в курилке было маркером на-малевано. Где с физруком курили...

– Ты курил. Не обобщай.

– Ну да. Вы то тихушники. Вот знаешь, я боюсь, что там ты найдешь только десяток вариантов написания слова из трех букв и пометки о том, кто с кем спит. Впрочем, хер с тобой, составлю компанию тебе. Если ты не против.

– Не против.

– Тогда пошли? Эй, пацаны, посторожите тачку? Мы до Заброшки. Сдается мне, что есть там места, куда в одиночку лучше не лазить.

– Говно вопрос!

– И оставьте нам по стаканчику, чтобы мы потом с дороги горло промочили.

– А вот это не обещаем.

– И почему я не удивлен?

Мы с Энди вошли под мрачный бетонный свод Заброшки. Там было холодно и сыро. Такой контраст с тем, что было снаружи. Это было похоже, я не знаю, на склеп. Или на катакомбы. Казалось, что все было раскрашено двумя цветами: серым и болотно-зеленым. Кое-где в подтопленных участках росли камыши и квакали лягушки. Кругом были разбросаны шприцы, бутылки и использованные презервативы.

– Вот понесло тебя сюда. А, Джуд? Необходимо прям. Надо было ружье прихватить, на всякий случай.

– Да ладно тебе причитать. Как бабка старая. Что может случиться?

– Нууу... Вот сейчас из-за угла героинщик с ржавой арматурой выскочит и воткнет ее тебе в грудь. И всё, нету больше Джуда.

– Ты думаешь, что я тобой не прикроюсь? Наивный. А потом огрею героинщика вон тем булыжником. А тебя да, приятель, мне будет не хватать. Жалко, что он тебя убьет.

– А если их будет двое?

– Ну тогда нам пиздец, Энди.

– Без вариантов?

– Без вариантов. А потом они изнасилуют наши еще теплые трупы.

– Без этого никак?

– Никак. Они же тут зачем-то прячутся. Как тролли под мостом. Я тебе говорю, вот от таких наркоманов-некрофилов и пошли легенды, что тролли под мостом живут. Такие же черти типа нас это в массы и понесли. А потом легенда и прижилась.

– Хм. Очень может быть. Тролли – они такие. Опасные ребята.

– Это да. Но самое главное – они нас сожрут! После того, как изнасилуют наши трупы, конечно.

– О боже, это еще зачем?

– Что за глупый вопрос? Потому что они хотят покушать. Зачем еще люди едят?

– Ну да, кстати. Чего это я.

– Они сварят нас в большом чугунном котле. Приправят вот этими камышами и лучком, что они сперли из садоводческого хозяйства неподалеку. Очень возможно, что они добавят бульонный кубик. Для пикантности.

– Скорее всего. Так как от нас спиртом очень уж пахнет.

– Ну, как стейк в вине.

– Скорее, как свиная рулька в пиве. Ха-ха.

– И то верно.

Мы рассмеялись.

– Смотри, Nine Inch Nails написано. Как думаешь, это группа такая?

– Да вот не могу сказать, не слыхал. Нужно у пиратов на радиорынке разузнать.

– Ну да, они-то уж точно в курсе. Да и не были мы там давно. Может еще чего интересное у них появилось.

– Это факт. Иногда интересно про их электронные херни послушать, пусть мы с тобой из этих разговоров не понимаем абсолютно нихуя.

– Это да, спорить не буду. Тссс... Ты слышал, Энди?

– Ну, тут чего угодно может почудиться. Тем более, опосля выпитого.

– Да не, я про голоса. Прислушайся. Слышишь?

– Ага, давай-ка потише.

– Само собой. Может спрячемся? Вон вроде неплохое укрытие.

– Да, давай. Любопытно даже, что там такое.

Из нашего укрытия мы наблюдали, как Мустафа, местный токсикоман и один наш бывший одноклассник, судя по всему, выискивали себе укромное место, где можно было бы устроиться.

– Неужели этот наш камрад венку любит покормить. Хотя я бы не удивился, судя по его видку.

– Тсссс... спугнешь!

И тут Мустафа спустил штаны.

– За две пачки Бонда синего, как всегда?

Блядь, – выдали мы с Энди разом.

– Ебать, Джуд, ты тоже это видишь? Иль мы белочку схватили?

– Да нет, тоже вижу. Это действительно происходит.

– Ты так спокойно об этом говоришь? Чувак, с которым мы проучились девять лет, сосет хуй у Мустафы!

– Ага, аж причмокивает.

– Джуд, вот это сейчас было отвратительно, фу.

– Отвратительно, Энди, то, что ты сейчас наблюдаешь. А я, всего лишь, констатирую факт.

– Спугнем их?

– А оно тебе надо? Оставим их. Каждый сам делает свой выбор. Вот кое-кто выбрал хуй у торчков за сигареты поса-

сывать. Пойдем отсюда, только тихо.

– Ага, а то сблую сейчас.

Мы тихонько выбрались с Заброшки. Благо, эти любовнички нас не заметили. Конечно, Мустафа был "Последним из Могикан", то бишь последним токсикоманом из тех, с кем он начинал угорать по "Моменту" и серебрянке. Поэтому я не думаю, что ему долго оставалось, но арматурой он успел бы нас пиздануть. Вполне вероятно, что с летальным исходом.

– Блядь, блядь, блядь! Пиздец! Нет, Джуд, ну ты видал, чего творится то?

– Ну да. Энди, посмотри, кажется, дождь собирается, поехали домой, а? Так противно от этого. Я в душ хочу, честно.

– Да, пожалуй, хватит приключений на сегодня. Посмотрели названия групп на стенах, заебись посмотрели.

– И добавить нечего. Я даже протрезвел от увиденного.

– Значит ты за рулем, Джуд. Снова. Смотри, сторожей-то наших вискарь срубил. И выжрали всё, даже глотка не оставили. Подонки!

– Не буди их. Давай их на заднюю сидушку погрузим. Пусть проспятся хоть немного. А то им мамки их пистонов вставят отменных.

– Это верно. Они – не мы, верно?

– Это да. В другой ситуации я бы рассмеялся, но не сейчас.

Мы аккуратно погрузили наших товарищей на заднюю сидуху четверки. Постояли, выкурили по сигарете под начавшимся теплым летним дождем. Я сел за руль, включил музыку на небольшую громкость, дабы не разбудить пассажиров с заднего сидения.

– Ну, поехали потихоньку?

– Ага. Давай.

Мы ехали молча. О чем нам было разговаривать? Энди курил сигареты одну за другой и смотрел в окно.

Я следил за дорогой. Понятно, что и он, и я обдумывали то, что увидели, но обсуждать это не было никакого желания. На фоне заиграла песня, которая меня заинтересовала, и я решил нарушить молчание.

– Эй, Энди, чего это играет? Похоже одновременно на Оазис и Радиохед, какой-нибудь. Что это?

– Честно? Без понятия. На каком-то сборнике было. Могу поглядеть потом, если понравилась.

– Да, спасибо большое. Про дождь поют, летний. Прямо как сейчас у нас. А может и не про то, других слов я пока не разобрал, хах.

Мы развезли наших друзей по домам, припарковали машину у Энди во дворе. Я собрался идти домой.

– Эй, Энди, дай мелочи на газировку. В горле пересохло.

– Ага, минутку, а может по пивку еще?

– Не, спасибо. Пожалуй, что ты прав. Хватит приключе-

ний на сегодня.

Я взял мелочь, надел наушники и побрел в сторону дома, размышляя о событиях уходящего дня.

Глава 3. Garageland

С того нашего приключения прошло, если я правильно помню, две или три недели. В этот промежуток времени не было особо примечательных событий. Хотя, сказать по правде, я и из дома особо не выходил. Только за сигаретами и газировкой. Пытался, наконец, закончить свою любимую РПГ. Она всегда поражала меня своей эпичностью. Хотя, казалось бы. Отсутствие графики, относительно плоский сюжет, примитивная боевая система. Я часами бродил по этим пустынным локациям, читал обрывки истории этого мира, разговоры с людьми. В общем, проживал жизнь вместе со своими персонажами.

Устав играть, я ушел смотреть МТВ, в надежде увидеть пару-тройку годных клипов. Увы, меня постигло разочарование. Ничего интересного, в самом деле. Расстроившись, я пошел на кухню приготовить себе кофе и завтрак. Попутно заметив, что я опять не спал в эту ночь. Очевидно, что организм начинает привыкать к такому режиму. Пожарив яичницу с сосисками, я ушел на балкон покурить, где мое внимание привлек котенок, что охотился за голубями. Он так неумело крался, что его добыча ускользнула. Ничего, научится. Или умрет с голоду, тут уж всё в его руках. Или ла-

пах? Впрочем, какая разница? Поток моих мыслей прервал раздавшийся телефонный звонок:

– Эй, Джуд, ты живой там? Где пропал? Это Энди. Приходи в гаражи короче, мы тут собираемся. Бухла поьем, музыку послушаем.

– Ну да, почему нет. Скоро буду. Не выпейте там всё без меня.

Учитывая то, что заняться мне было нечем, это было не самое плохое предложение. Наспех поев приготовленный завтрак, я собрался и двинулся в путь.

Своих товарищей я нашел достаточно быстро. Металлика орала на весь гаражный кооператив, даже не зная дороги можно было идти на звук. По пути я разглядывал ворота других гаражей. К сожалению, о какой-либо индивидуальности не могло быть и речи – все ворота гаражей были зелеными. Такой особый оттенок зеленого – им еще любят подъезды в московских хрущевках красить. А людей мне и не попало по дороге, верно, не до возни в гаражах сегодня. Оно нам и на руку, в самом деле.

– Фига у вас тут вечеринка! Там селяне уже вила с факелами приготовили, бесов из вас изгонять собираются.

– Здорово, Джуд. У нас всё под контролем. Есть пустая стеклотара, разводной ключ и монтировка. Отобьемся.

– Воу-воу. Это ж я так, предупредить, мало ли. А вы, погляжу, серьезно настроены. Итак, чем займемся?

– Ну, у нас есть музыка и бухло, чем, по-твоему, нам нужно заняться? Перебрать картошку в погребе?

– Определенно, картошку. Чем же еще? Ммм... вино из пакета – мое любимое!

– погоди ты вино бухать, попробуй лучше это!

Энди кинул мне банку какой-то бурды.

– Это что, прости пожалуйста? И почему на ней дьявол намалеван? Намек на то, к кому я попаду, когда опустошу содержимое?

– Это слабоалкогольный энергетический коктейль.

– Да, я вижу, читать я тоже умею. И?

– Ну так попробуй, чего выебываешься. Шикарное пойло. Я открыл банку и отхлебнул.

– Да, интересно. Надеюсь только, что не помру я от него. И не ослепну.

– А должен?

– А кто знает, чего там намешано? Потом будут нас в криминальных сводках показывать, в сюжете об алкогольном отравлении с летальным исходом.

– Да ну тебя. Не нравится – иди себе буратино купи. И пей его на здоровье.

– Да я ж шучу, чего ты. Пойло действительно ничего, мне нравится.

– Окей, как там твоя подружка, Джуд?

– Да вы заебали, шакалы. Если так понравилась, иди и узнай сам, как у нее дела. Я тебе не бабка-сводница.

– Да не, я-то люблю одну-единственную, особенную...

– Да-да-да, Энди, эту историю мы слышали, наверное, где-то миллион раз. И еще одного раза мы не переживем. Не разводи соплей, приятель. На-ка, выпей лучше.

Я протянул ему стаканчик с вином. Благо с коктейлями мы уже управились к тому времени.

– И всё же, Джуд...

– Ну блядь, зовите санитаров, его уже понесло.

– Почему она не обращает не меня внимания?

– А должна? Ты бы там, подошел бы для начала, не знаю, парой слов перекинулся. Я, наверное, хуевый советчик в такой ситуации.

– Ну, у тебя-то таких проблем не возникает. Некоторые с тобой сами знакомятся. Вот как это у тебя так получается?

– А мне-то откуда знать, приятель? Ты такие вопросы задаешь. Я пока не могу на них ответить. Вот когда нам будет лет по восемьдесят, будем седовласыми старцами-мудрецами, вот тогда приходи за ответом. Я поведаю тебе сию тайну, ну или ебну клюкой тебя из-за маразма. Это если мы доживем, конечно.

– Ну я же делаю намеки ей. А она не обращает внимания.

– Какие? Валентинку в почтовый ящик зимой закинул? Ты знаешь, дружище, не смотря на мой скромный опыт, мне кажется, что это не так немного работает. Твоя ж подружка не трансформаторная будка, током не ебнет. Подойди при случае, поболтай просто. Там видно будет. А то станешь таким, как Петрарка.

– Какой Петрарка?

– Поэт такой был. Всю жизнь любил одну девку, которая его, как бы это... динамила, в общем. Ну а он ей стихи писал, да в ладошку подрачивал.

– Фу, Джуд!

– Что? Думаешь, что не подрачивал? Как же. Хочешь таким же стать?

– Великим поэтом?

– Комнатным дрочером. В роли великого поэта мне тяжело тебя представить, Энди. Ты уж без обид.

– Не, дрочером комнатным не хочу становиться, ты прав.

– Ну тогда подойди и поболтай. Договорились?

– Ага.

– Расскажешь потом, как прошло.

Честно говоря, эта беседа начала меня утомлять. Я окинул взглядом гараж, в надежде найти что-то, что бы позволило сменить тему. И, о чудо, мне на глаза попался журнал

с желтыми новостями.

– Гляди-ка, Энди, я, кажется, нашел то, чем я хочу заниматься, когда вырасту. Ты только посмотри на заголовки! "Маньяк-импотент задушил 20 проституток", "Оборотень в погонах содержал гей-бордель", "Банда зоофилов три года насилвала козу"... охуенно же! Когда я совсем вырасту, пойду к ним такие же заголовки придумывать. Что может быть лучше? Ведь за это еще и платят.

Я оглянулся на Энди. К сожалению, он меня не особо слушал, так как ему уже хватило на сегодня. Я кое-как дотолкал его до дверей гаража.

– Эмм... спасибо, приятель. Чего-то это я... буэээ... Бля. Намешал походу.

– Ну ебана, чувак! Нафига около собственных дверей-то блевать? Тебе же завтра и прилетит от твоей родни, за то, что здесь погром такой.

– Да не, не ссы. Они сюда нескоро сунутся. Уффф...

– Окей, как скажешь. Но, быть может, лучше тебе поблевать вон у той калитки?

– Ты что, в своем уме? Там же этот дед контуженный живет, за калиткой этой. Опять будет за нами с ружьем гоняться, если увидит. Как тогда, когда мы совсем пиздюками бы-

ли, помнишь?

– Когда мы у него груши со сливами пиздили в саду? Как не помнить-то. Удивительно, как он нас там же и не закопал тогда. Тебе полегче?

– Честно? Я бы где-нибудь упал бы поспать. Кружит всего.

– Ок. Тогда закругляемся? А то я, чую, составлю тебе компанию скоро. В плане того, чтобы знатно проблеваться с нашей элитной выпивки.

– Итак, тогда выдвигаемся. Ох, нужно мусор собрать в мешок. Поможешь? Где, кстати, остальные?

– Ммм... один камрад вон на полке дрыхнет. Второй... Хм... Второго давай искать. Не видно его что-то.

Мы растолкали одного нашего товарища и принялись за поиски другого. Впрочем, это не заняло много времени: Наш товарищ обустроил себе уютную лежанку в картофельном погребе, набросав по себя каких-то тряпок. Его, само собой, мы тоже разбудили. После этого мы наспех убрались, собрав пустую тару от выпивки и остатки от закуски в пакет и, заперев гараж, двинулись в сторону дома. Блевотину Энди, к слову, я попытался смыть с помощью пива из баклахи. К сожалению, не очень удачно. А по дороге к дому дошел до кон-

диции уже я. Выблевав у ближайшего столба всё то, что я сегодня ел, моё внимание привлекло черно-белое объявление.

– Эй, ребят, РНЕ – это же нацисты какие-то?

– Ну да. Одно время, когда мы совсем пиздюками были они в черных рубашках патрулями ходили. А что?

– Так вот же, на собрание в воскресенье в обед зовут. Участие бесплатное. Пойдем в штурмовики записываться, а?

– Ха-ха, мне кажется, что нас туда не пустят. Небось совершеннолетних только берут, или типа того. Хотя интересно было бы послушать, че там.

– Ну, Энди, может попробуем зайти на огонек к ним?

– Это можно. Я в деле.

По дороге к дому мы периодически останавливались посидеть и отдышаться на разных приподъездных лавочках. На одной из таких остановок, компанию нам составил отряд старух-сплетниц. Ну тех, что обычно тусуются дни напролет стайками у подъездов хрущевок. Они, как водится, принялись нас громко обсуждать и читать нам же нотации.

"Эй, бабки! Бойтесь. Слава белой расе!"

Мы синхронно вскинули правые руки и, дико заржав, пустились наутек. Вдогонку нам доносились проклятия и угро-

зы вызвать, тогда еще, милицию.

– Бля ребят, не будет у нас проблем с этими бабками сраными?

– Ой, да забей, они видели нас в первый и последний раз. Какие могут быть проблемы? Мы живем достаточно далеко отсюда.

– Ну, вы ж знаете бабок этих. Завтра слухи аж до Кремля дойдут о наших, кхм, проделках.

– В Кремле заняться больше нечем, конечно. Не берите в голову даже. Если чего, это не мы, знать не знаю о чем говорите. И всё ок будет.

– Ну да, совсем бабки в маразм впали. Нацисты уже мерещатся везде. Страх и ужас!

– Хах. Ну чего, Джуд, у тебя оклемаемся немного?

– Ну да, идем.

У меня дома мы еще несколько раз проблевались, поочередно, а потом проспали несколько часов в беспокойном алкогольном сне. Пока еще, очевидно, мой организм не был привычен к таким посиделкам. Впрочем, встал на ноги я тоже довольно быстро. К слову, на собрание РНЕ мы с Энди по-

пробовали сходить. К сожалению, нас туда не пустили. Всех входящих проверял старший брат моего соседа, и он посоветовал нам сначала определиться, действительно ли мы хотим связать себя с Движением. И дал на прощание газету и брошюрки этой организации. Естественно, ни с каким движением я себя связывать не хотел. Но материалы почитал, особо, правда, не впечатлился. Видно, это и правда не мое.

Глава 4. Something In The Way

Сегодня я наблюдал, как из соседнего дома выносили чувака, который покончил с собой, сунув голову в унитаз и спустив воду. Seriously, возможно ли таким образом завершить свой жизненный путь, или же это байка для отвода глаз от истинной причины? Наверное, если я хочу стать журналистом, то мне нужно разбираться в различных вариантах самоубийств. Криминальные сводки и некрологи о суицидниках – это же самая мякотка в СМИ. Не политических экспертов читать же, в конце концов. Те разделы уж совсем для, так сказать, эстетов. К слову, пока я сидел и наблюдал за сценой выноса этого товарища из дома, я размышлял над тем, что человеческое общество не сильно-то и поменялось со времен публичных казней. Зевак собралось столько, сколько на первое сентября у школы не собирается. Чего-то обсуждали, судачили, повидали старых знакомых и разошлись по своим делам. Я же решил еще посидеть на лавке, почитать книжку – совковый универский учебник по журналистике. Мое удачное приобретение, тут уж не поспоришь. Подогнал один товарищ из пиратов, даже не взял за него ни копейки. Говорит, от дядьки осталось. Сам дядька его сторчался после горячей точки. Следовательно, ему не нужно, а мне пригодится. Так и сказал. Что же, всё так. Попутно посоветовал мне Боба

Дилана послушать, раз уж я про кантри-рок его спрашивал. Очевидно, это мое лучшее музыкальное открытие этого лета. А, может быть, и всей жизни. Нужно губной гармошкой разжиться и попытаться научиться на ней играть. А потом найду себе пса-барбоса и буду путешествовать с ним по стране на товарных вагонах. Прокатит же такое у нас, или КГБ по мою душу на ближайшем привале придет? Вот и узнаем.

А еще мне нужно было прогуляться за сигаретами. В силу моего возраста, выбор мест, где я бы мог их купить был ограничен. Но делать нечего, пришлось двинуться в путь.

Наверное, стоило бы восхищаться окружающим меня пейзажем и архитектурой, но нет – меня окружали типичные постсоветские декорации: избы, частные домики, малоэтажные бараки, несколько хрущоб и много-много зелени. В общем, все как у всех. Не хуже и не лучше.

Купив сигарет, я решил подняться на чердак местной девятиэтажки, мало ли, будет кто там из знакомых, мы одно время прямо облюбовали это место. И еще там можно было на стенах порисовать, благо маркер у меня был с собой. В тот период я находил особое удовольствие в порче черным маркером зеленых подъездных стен. Как правило, это были примитивные псевдо-японские скетчи и названия всяких групп. Увлекательное занятие.

Кодовый замок на входной двери был всё также сломан. Впрочем, жильцов это не беспокоило. Еще каких-то 10-15 лет назад они даже не запирали двери в квартиру. Я зашел

в этот мрачный, вонючий лифт, в котором никогда не было света и всегда воняло мочой, и стал подниматься на самый верх.

Наверху, как и ожидалось, тусовался мой одноклассник. Бывший уже, получается. Не сказать, что мы были большими друзьями, скорее конкурентами за первенство по оценкам в классе среди мальчишек, но, тем не менее, иногда мы портили стены наскальной живописью в этом подъезде. Остальные товарищи не разделяли наших взглядов.

– Здарова. Ты чего, уже тут?

– Ну да, как видишь. Где мне еще-то быть? Элитный алкоголь в пластиковой посуде пью вот. А ты, стало быть, уезжать собрался?

– Как будто у меня есть выбор. Дай хлебнуть твоей огненной воды, что ли. Выходит, наша школьная конкуренция подошла к концу?

– Выходит дело так. Теперь будет скучно.

– Да ладно тебе! Разве не поднадоело соревноваться, за столько-то лет?

– Ну, с одной стороны, да. С другой – какой мне стимул выкладываться на полную, ну?

– Тоже верно. Но нужно готовиться ко взрослой жизни, стать "уважаемым человеком", знающим, что он хочет от жизни. Вот это вот всё. Как нам с горшка еще втирают.

– Ты сам-то в эту чушь веришь?

– Нет, конечно. Как, собственно, и ты, я думаю.

– Потребляй, работай, сдохни. Вон, на стене написано, рядом со значком анархии.

– Ага, формула сказочной жизни, не иначе.

– В общем, ты тоже не особо впечатлен открывающимися перспективами. Жаль. Наверное, в глубине души, я хотел услышать другой ответ.

– Ну, что поделатъ. В самом деле, я хотел бы развлечься перед взрослой жизнью. Устроить "Gap Year" себе, пусть и на пустой желудок и карман, в наших-то реалиях. Буду, так сказать, исследовать социальное дно: общаться с бичами, посещать всякие значные места. На всю жизнь воспоминаний наберусь.

– Блин, нужно что-то похожее себе придумать. А пока,

глянь-ка вон туда, в кусты. Видишь?

– Мммм... ну и? Срет в кустах пацан какой-то. Приспичило, быть может, человеку. Такой себе интерес его разглядывать.

– Ах, если бы ему приспичило. Я тут за ним давно наблюдаю – он тут на детишек, что в детском садике не прогулку выходят наяривает, судя по всему.

– Бля...

– Ага, весело. С кем мы только не живем по соседству. Я вот понять пытаюсь, то ли его в кустах не видно со стороны дороге, то ли настолько похуй всем, что какой-то тип пиструн свой наяривает день-деньской. Вон же бабки на лавке сидят.

– Ну, приятель, у бабок запала хватает только тинейджеров гонять. И то, избирательно.

– Это да, в точку. Глянь-ка, как старается.

– Блядь, фу. Может, это самое, вызовем кого?

– А оно тебе надо? Потом еще и виноватыми окажемся.

Скажут, больше всех надо, уважаемым людям мешать самоудовлетворять себя.

– Да ладно тебе, не при фашистах же живем, каких-нибудь.

– Это пока еще. Радуйся.

– Вот опять начинаешь!

– Да хз, приятель, есть такое ощущение, что дальше нас веселые, в кавычках, времена ждут. Были бы еще причины, почему так думается. Но нет, причин пока не видишь.

– Что же, давай лучше выпьем за то, чтобы ты ошибался.

– Да, накатим за это дело, Джуд, ох.

Мы сделали по доброму глотку этого вишневого пойла из баклахи. Не сказать, что это лучшее, что я пробовал в своей жизни, но, вроде как, это был алкоголь, поэтому – почему нет, можно пить. Мы немного помолчали, разглядывая нашего кустарного дročера. Спустя некоторое время, разговор возобновился сам собой.

– В самом деле, Джуд, я размышляю вот над чем: а что, если и правда вернется новый 37-й, или типа того? Если тень террора ляжет на всю нашу жизнь? Что тебя смогут, не знаю,

отправить в лагерь валить лес за картинку на твоём компе, или неосторожно сказанное слово? Я знаю, что сейчас это звучит смешно, кто может серьёзно верить в это? Вон, бритоголовые по улицам бандами ходят, никто их не трогает, а тут за картинку закроют. Но, проскальзывает мысль, а вдруг? Что тогда мы будем делать? Вот ты, например? Не отвечай. Я, наверное, выпилюсь, приятель. Лучше самоубийство, чем жизнь в таком обществе. Какое счастье в такой жизни? День за днем трястись, что тебя схватят и замучают в застенках. Просто потому что. Правда, лучше тогда удавиться, или шагнуть в окно.

– Ну тебя и кроет, дружище. Ты не первую баклагу пьешь, так? Что ты хочешь от меня услышать? Что я подтвержу твой прогноз, или разделю твои взгляды на самоубийство. Я хз, приятель. Надеюсь, что времена, о которых ты толкуешь, никогда не наступят. Это же бред, как можно упрятать в лагерь за картинку? Кому картинка может навредить, это же, максимум, безобидная карикатура. А арестовывать за такое – это отдает старческими рассказами, как арестовывали за то, что рыбу на газете со Сталиным почистил кто-то. Не будет же кто-то, в здравом уме, сталинизм оправдывать? Это же удел выживших из ума шизоидов, таких лечить нужно.

– Или будут? Скажут – порядок был.

– Знаешь, кто так может сказать, в силу возраста лет пять

от силы осталось. А насчет самоубийства – ну, как тебе сказать. Каждый сам делает свой выбор, нет? Свобода воли на то и дана человеку, чтобы он мог выбирать. Греко-римская цивилизация, к слову, рассматривала самоубийство как триумф человеческой воли, пусть и последний. Попробуй вспомнить, из истории хотя бы: Ганнибал, Сенека, Нерон и так далее. А чем-то однозначно плохим самоубийство стало уже при христианстве. Поэтому, если хочешь мое мнение, то я не считаю вправе осуждать самоубийц. Их выбор нужно уважать, как минимум.

– А вообще, знаешь, я тут подумал, что со стороны это пиздецки странно выглядит. Я имею ввиду тему нашего разговора, вот это вот всё. Бля, ты прикинь, как старые деды на лавке Сталин блядь, репрессии, вся хуйня. Разве об этом в нашем возрасте общаться мы должны?

– Ну, я хз в самом деле. Да, наверное, то, что мы выбираем такие темы – это не есть хороший... ммм... маркер, что ли, благополучия общества. То, что мы вообще по таким темам загоняемся – это уже не есть хорошо. По-хорошему, это должен быть удел кого? Профессиональных товарищей с телевизора и всяких кухонных маргиналов. Уж явно не нас. Мы вот, можем, например еще дробнее пообсуждать. Развлечение, как-никак. Дай хлебнуть, что ли, а то в одну харю выпьешь.

– На, держи. Ну да, будем надеяться, что я ошибаюсь. Пойду-ка на стене намалюю что-нибудь. Мммм... "Дайен – блядь". Идеально. Блядь же через 'д' в данном случае?

– Ну да. А вообще, ты констатируешь этим общеизвестный факт.

– Иди ты, знаешь куда. Скажи лучше, похожа?

– Да. Как с фотографии перерисовал. Посрались вы, не иначе. Это объясняет, тогда, почему ты тут с утра пораньше синегалишь и кустарных дробочеров разглядываешь.

– Ну, не без этого. Тебе очень хочется мое нытье на эту тему послушать?

– Честно? Мне похуй. Я ведь, ты только не обижайся, пропущу большую часть твоего потока сознания мимо ушей.

– Негодяй ты. Мне, может, поплакаться нужно, душу отвести. Эх. Ладно, хуй с тобой. Слышал, сосед мой сверху каких-то алкашей лопатой захуярил, когда картоху копать ходил?

– Бля, не. Это тот, который нам когда-то в великах колеса

накачивал?

– Ага, он самый. Теперь надолго упрячут видимо.

– Пиздец.

– Ну, он после первой отсидки конкретно на какое-то дерьмо подсел, на кухне у себя варил. На весь подъезд уксусом воняло. Ну и башкой повредился, на себя уже не похож.

– Ну, что поделывать, такова жизнь, чё. Он же первый раз с каким-то синяком из-за бабы попиздился и захуярил до смерти его?

– Ага, вроде так было. Кажись, года четыре отсидел. Там, помнишь может, бабка его пыталась на лапу судье дать, хз помогло ли.

– Пиздец, в самом деле. Но, не забывай, где живешь, хули.

– И то верно. Погодь, пойду обоссусь.

– Давай, ха-ха, ты на ногах уже еле стоишь. Смотри, портки не обоссы!

– Да пошел ты, а?

– Ага. Но, серьезно, кажись, что тебе хватит уже. Может проспиться малость? А то без приключений мы до дома не дойдем.

– Здесь? Как бич какой-то?

– А почему нет? Подъезд наш дом родной. А я тебя пока-раулю.

– Ох, может ты и прав.

– Вот и залипай давай. Чего ты ждешь? Колыбельную тебе спеть? Спят усталые игрушки?

– Иди нахуй. Сторожи, сторож.

– Ага, спи давай.

Мой приятель достаточно быстро вырубился, положив голову на колени. Я же сидел, допивал вишневый шмурдяк из горла бутылки, курил, пытаюсь пускать колечки дыма, разглядывал наскальную живопись и слушал нирвану на своем девайсе. Благо, сообщение о том, что Кобейн выпилился за наши грехи, намалеванное маркером на стене напротив, подталкивало к безальтернативному выбору саундтрека в этом подъезде.

Глава 5. Last Days Of Summer

А лето, тем временем, подходило к концу. Теплые августовские вечера я коротал сидя в своей комнате, слушая всякий олдскульный американо-британский рок из 70-х, приобщаясь к итальянскому кинематографу и скуривая сигарету за сигаретой. В этих фильмах было столько грязи, я не знаю, может поэтому они запоминаются на всю оставшуюся жизнь. Глядя на обветшалые и пожелтевшие от времени и табака темно-зеленые обои я понимал, что эта часть моей истории подходила к концу. Как бы я не хотел его отсрочить. Также я раздобыл где-то несколько пакетов сливового вина, от которого периодически проводил ночи в обнимку с белым другом. Однако, под итальянское кино и консервированные бобы оно подходило как нельзя лучше.

Как бы то ни было, свою последнюю ночь в этих краях я решил провести на улице – побродить по опустевшим улицам и памятным мне местам, с уверенностью, что случайные прохожие мне не помешают. Ранее я такого никогда не делал, в этой жизни, по крайней мере. Не шатался по улицам до утра, я имею ввиду.

В ушах играл Оззи Осборн, я бродил по постепенно пу-

стеющим улочкам и глядел, как наш, или уже лучше сказать этот, потому как я уже не принадлежал к этому месту, городок погружался в сон. В частных домиках запирались ворота и в окнах гас свет. Последние прохожие спешили скрыться с улиц. Я стоял на мосту и глядел как бобриха изучала бутылку из-под газировки, которую кто-то сбросил на её дом. Или это была нутрия, я не могу теперь сказать.

Когда мне надоело это занятие, я решил пройтись по окружной дороге. Той самой, глядя на которую в раннем детстве из окна дома я любил придумывать всякие разные истории, связанные с ней. И с ней же были связаны воспоминания о долгих прогулках и бесцельной болтовне с друзьями, когда нам действительно нечем было заняться.

Проходя мимо небольшого сквера, я услышал музыку и увидел сквозь деревья огни костра, или костров. Отсюда тяжело было разобрать. Естественно, я решил утолить свое любопытство и пошел на свет.

– Привет, ребят. Чего вы тут, посреди ночи, Слипкнут слушаете?

– Слипкнут – долбежка для абреков, а это настоящий норвежский блек метал. Бурзум, небось и не слыхал про такого? Привет.

– Не, вы правы, не слыхал. Дичь какая, как потрошат ко-

го-то.

– Да это привыкнуть надо. Варг – крутой мужик, церкви поджигал и чувака ножом зарезал. Настоящий викинг.

– Бля. Слушайте, а вы же оба в нашей школе учились. По-старше вы только. Как вас там... Бивис с Батхедом, лол. Настоящих ваших имен я и не знаю.

– Да этого достаточно, в самом деле. Да, это мы.

– К вас еще группа ж была какая-то, вы в гаражах репетировали.

– Ну да, "Зуб Люцифера", настоящий пауэр-метал собирались играть. Да вот не сложилось, барабанщик решил с клеем моментом поэкспериментировать, да далеко зашел. Кукуха протекла окончательно. Теперь с бичами у вокзала побирается. А барабанщика нормального очень сложно найти, скажу я тебе.

– Ох, нормальных историй без наркомании и ебли я никогда не услышу, видимо.

– Ммм, а тебе про балы и принцесс рассказать? Так это ты Золушку почитай или типа того. Тут у нас один блек-метал. Хотя, вот хорошее: у меня кошка окотилась, котенок не нужен? Рыженький, с розовым носиком, хах.

– Не, спасибо, мне некуда его взять, к сожалению. Так чего вы делаете тут ночью, среди леса? Музыка пришли послушать?

– А сам не видишь? Нашли рецепт элитного пойла в дедовской поваренной книге бывалого самогонщика. Спирт и

лесные травы. Написано, что мозгам дает покруче всякого клея и серебрянки. И кукухой не отъедешь. Третьим будешь?

– Ну да, почему нет. Будем как колдуны лесные в Средневековье.

– Ага, главное не помереть с него. Но вроде травы все те. На костре-то за колдовство нас теперь не сожгут, времена не те. А значит, все в наших руках.

Я смотрел, как в котелке варится это зеленое пойло. Пахло оно, к слову, очень приятно. Как сироп от кашля или настойка календулы. Глядя на костер, я задумался над тем, как мы выглядим со стороны. Наверное, и правда средневековый шабаш ведьм выглядел похоже. Какие-то волосатые типы ночью, в лесу, слушают нечленораздельный рык на плере, жгут костер и что-то в нем варят. Как еще это можно было бы интерпретировать?

Наконец, пойло было готово. Мы решили назвать получившийся нектар "Абсент Колхозный". Хотя, оглядываясь назад, я понимаю, что и не колхозный недалеко ушел. И почему его так любил Хемингуэй?

Мы разлили его по жестяным кружкам, которые эти ребята принесли с собой. Для меня кружка тоже нашлась, видать меня ждали.

– Ух, забористая дрянь получилась!

– Ага, будем надеяться, что не откинем копыта прям здесь и не начнем с него глюки ловить. Вроде мухоморы в котелок не кидали, но тем не менее. Знайте, если у меня начнут появляться козлиные рога – значит что-то пошло не так.

– А если поросячий хвост?

– Тоже... наверное.

Я не принимал особого участия в этом разговоре. Честно говоря, я думал, что сжег себе к чертям собачьим голосовые связки и боялся открыть, чтобы проверить эту догадку. Правда, не сказать, что я очень бы расстроился, если бы она подтвердилась.

– Эй товарищ, с тобой всё нормально, или уже нирвану познал?

– А?

– Хорош в костер пялиться говорю, стремно это выглядит.

– А, ага. Чего это я действительно. А смотрю на вас, ребят, а вы ведь не настолько-то и старше меня. А всегда такими взрослыми нам казались.

– Да не, только по 17 стукнуло. А ты девятый закончил, получается?

– Ну да.

– И съебываешь?

– Ну да, завтра утром. Решил вот пройтись вечерком, напоследок, да вас нашел. Я вроде не говорил, что уезжаю.

– Не говорил, но все всё про всех знают. Это правильно, что съебываешь, в этой дыре ловить явно нечего. Я думаю,

что мы тоже по осени двинем в большие города. Там найдем себе занятие.

– Ну, могу пожелать удачи, ха-ха.

– Ага, она пригодится в таких делах, а то бомжам на шашлык пойдешь. А съебывать надо, хочешь ты этого, или нет. И как бы дорого не было тебе это место. Потому что, погляди на людей, что старше нас на пару-тройку лет: кто сидит, кто торчит, а кто выглядит как пятидесятилетний дед. Невольно начнешь задумываться. При всем веселье, типа варки синьки в ночном лесу, как ебучий колдун, это не может продолжаться вечно.

– И чем займетесь, когда дернете отсюда?

– Ну, мы вроде как малость в компах шарим, да в аппаратуре. Найдем занятие. В крайнем случае, можно с хиппанами на базаре пластинками барыжить.

– Хах, не самое плохое занятие, наверное.

Я слабо помню, что было дальше. Мы прикладывались к котелку раз за разом. Наверное, опустошили его весь. По крайней мере, в глазах у меня двоилось. Помню, что один из чуваков пытался сделать факел и призывал идти поджигать церкви. Как норвежские металлисты. Очевидно, что мы затею не поддержали. Кажется, что ребята хотели проводить меня до дома, чтобы убедиться, что я в целости и сохранности. Что меня не убьет маньяк-педофил. Но я попросил оставить меня на лавочке на детской площадке, встречать рас-

свет. Они выполнили мою просьбу, мы распрощались.

Я сидел на этой деревянной лавке, которую когда-то, совсем мальчишкой, "помогал" устанавливать рабочим. Смотрел, как светает и потихоньку приходил в себя. В ушах играли баллады Оззи Осборна: "Old LA tonight", "Road to nowhere" и "Dreamer". Эти три песни на повторе.

Окончательно придя в себя, я захватил дома рюкзак с вещами и пошел к Энди попрощаться, да выпить с ним пива в последний раз.

Глава 6. Road To Nowhere

По дороге к дому Энди, я мог наблюдать, как постепенно просыпается город: почтальон, развозящий на велосипеде письма; дворник, вышедший подметать улицы; алкоганы, ползущие из кабака домой. Всё, как и везде, в общем-то. Я бы и забыл об этом эпизоде, ввиду его незначительности, но моё внимание привлекла следующая картина: Сколько себя помню, у местной церкви стояли каменные статуи. Статуи, как в итальянских монастырях. Видимо, это были апостолы, или какие-то святые. Понять это было сложно, так как голов у них не было со времен Революции. С тех пор их так никто и не восстановил. А в то утро, все эти статуи поп с какими-то работягами грузил в газельку.

Я решил узнать, в чем дело:

– Доброе утро! А куда это вы их?

– Куда-куда, на свалку, само собой. Портят пейзаж, понимаешь. А на реставрацию денег нет.

– Не жалко?

– Как не жалеть! Столько лет деньги собрать пытался, или найти где-нибудь. И вот результат! В крошку апостолов помелят. Ну, не нам это решать.

– Эммм... да, наверное. Я пойду.

– Да-да. Бог с тобой!

Несмотря на то, что мне было очень жаль эти статуи, моей мыслью было то, что когда-то давно, на закате Античности, христиане, дорвавшиеся до власти, поступали и похуже с языческим наследием. Не сказать, чтобы я сильно злорадствовал, но ситуация была довольно ироничной, на мой взгляд. Размышляя таким образом, я подошел к дому Энди.

Я позвонил в дверь. Собаки встретили меня радостным лаем. Так как никто не открывал, я, немного помявшись, перелез через забор. Собаки стали лизать мне руки. Тем временем, Энди выполз во двор с еще слипшимися после сна глазами.

– О, привет, Джуд. Че ты в такую рань? Ммм... неужели уже собрался? Судя по рюкзаку.

– Ну да, автобус через полтора часа, пора ехать. Может это, пивка на дорожку?

– Пошли, конечно. Только кроссовки обую.

Мы дошли до магазина через дорогу, купили пива и пошли ждать мой автобус на остановку.

– Ну... выходит дело, это всё?

– Выходит дело так. Покурим?

– Давай, чего у тебя?

– Винстон синий, будешь?

– Что же еще у тебя может быть. Давай, конечно.

Мы закурили и немного помолчали, глядя, как проезжают мимо машины.

– Ты это, приезжай иногда, что ли. У меня для тебя всегда место под крышей найдется, если чего. В крайнем случае в машине можешь поспать, ха-ха.

– Ты знаешь, я часто думал об этом последнее время. И думаю, а смысл? Эта "эпоха", если можно так сказать, она уже закончилась для всех нас, разве нет?

– Почему?

– Ну как, дальше будет уже что-то другое, Энди, не знаю, что, но как-нибудь разберемся, я думаю. У тебя одно, у меня другое, у остальных третье. От друг друга мы постепенно отдалимся, с этим-то ты не будешь спорить, я думаю?

– Может быть, Джуд. В том, что начинается другая часть жизни, ты прав. Безусловно.

– Ну вот. По крайней мере, наша дружба была достаточно веселым этапом в наших жизнях. Наверное, нужно постараться сохранить об этом самые лучшие воспоминания.

– Знаешь, говорят, что плохие забываются со временем. Я сам, правда, не знаю, хах.

– Вот и увидим, со временем.

– Да.

– На старости лет, когда древними старцами будем, найди меня, пожалуйста.

– Ммм... зачем?

– Как зачем, а в героев карты кто будет доигрывать? Пуш-

кин?

– А, точно! Никто не уважал Крег Хега так, как я.

– Это точно. Помнишь, как мы хотели взорвать детский сад?

– Это когда я принес сушилку для обуви, пустой коробок и спичку?

– Именно! Помнишь, значит. Ты еще коробком тряс так, приговаривал: "Коробок... пустой", потом из кармана вытаскивал спичку и с радостным криком такой: "Спичка!". Ха-ха, весело было.

– Ну да, а мы в песочнице пытались нашу "бомбу" зарыть, так вроде?

– Ага, а спичка погасла. А потом ты побежал у воспитательниц спички просить. И они пришли посмотреть, чем это тут воспитанники их занимают. Знатно прихуели и стояли мы с тобой до конца дня по разным углам.

Мы рассмеялись. Иногда не совсем понятно, почему некоторые, казалось бы, не очень примечательные события, помнишь настолько хорошо, как будто бы они были вчера. Впрочем, мозг любит играть с нами в разные шутки. Первые бутылки пива подходили к концу. Благо, мы взяли по две.

– Ты это, Джуд, не обоссись в дороге-то.

– Кстати да, не подумал. Я ж не на собаке еду. Надо отлить на дорожку будет.

– До автобуса твоего, кстати, меньше часа.

– О, блин. Давай ускоримся, что ли.

Мы открыли по второй бутылке. Благо, деревянные лавочки на старых остановках были словно созданы для того, чтобы об них открывали пивные бутылки. Ну и писали всякую похабщину, само собой.

– Да. Знаешь, Джуд, и всё-таки жалко, что всё так.

– Не жалей. Думаю, переживём, так или иначе. А всякие мифы и легенды учат нас чему?

– Чему?

– Они учат нас никогда не оглядываться назад, Энди. Так как ничего хорошего это не принесет. В лучшем случае станешь соляным столбом.

– Мде. Всегда тебе говорил, ты бы поменьше всякой херни читал, в доме для умалишенных свои дни окончишь.

– А разве это плохо?

– Для тебя, видимо, нет.

– Ох, ну вот и всё, мой автобус едет. Обнимемся на прощанье?

– Опять ты со своей голубизной лезешь. Хотя давай, хули.

Мы обнялись, я запрыгнул в автобус и помахал Энди рукой из окна. И правда, это был конец этого раздела моей жизни. Автобус тронулся. Я заткнул уши наушниками. Весь мой плейлист играл вперемешку: Металкор сменял Битлов, Ко-бейн сменял Элвиса и так далее. На небе не было ни облачка, только бескрайнее голубое небо. А у автобуса была сломана

передняя дверь, поэтому обдавало теплым "ветерком" меня так, как будто бы я ехал на мотоцикле. Впереди действительно было нечто новое, пусть я пока и не знал что.

Часть II. Moscow Madness

Глава 7. Walking Disaster

С тех пор прошло несколько лет. Не сказать, чтобы я занимался чем-то особенным. Так, исследовал город и людей. Попробовал покраситься в черный, вроде даже получилось. В чем заключалось моё исследование города и людей? Ну, как сказать: прибивался к разным компаниям в городской черте; проводил ночи напролет, болтая со случайными людьми, так как на метро в такие дни я уже благополучно опоздал; путешествовал по области на электричках, наслаждаясь всякими случайными событиями, что происходили со мной и вокруг меня. Десятки и сотни встреч, разговоров, слившиеся в один бесконечный день без временных ориентиров. И люди, с их планами, надеждами, индивидуальностью – все они слились теперь в несколько обобщенных типажей. Наверное, большую часть из них я не узнаю в лицо и не вспомню их имен. Впрочем, они меня тоже, я думаю. Весь этот период – это ода пустым разговорам с запахом дешевого портвейна.

Все началось на горе, где-то на Домодедовской. Я выбрал-

ся выпить туда с какими-то малознакомыми товарищами. У нас с ними были, какие-никакие, общие интересы и они представлялись в тот день. Поэтому – почему, собственно, нет?

– И смотри, приятель, я тебе говорю – нужно бороться с засильем цунеров! Ты не смотри, что я панк, ведь панк тоже может быть нацистом. А вот кто такой антифашист? Это левый экстремист! Так в песне поется. Ведь как получается? Цунеры приезжают, отнимают у нас работу. Правда я, понятное дело, не работал ни дня. Нахуя? Я же панк, анархист...

– И нацист.

– Да, и нацист.

Мне было тяжело слушать этот шизоидный поток сознания. Благо, к тому моменту все уже дошли до кондиции. В моей голове крутились мысли о том, что за херню этот товарищ пытается до меня донести. Анархо-нацизм? Наци-анархизм? Почему не милитари-пацифизм? Такое же сочетание, вроде как. Вроде не нужно иметь степень по политическим наукам, чтобы понимать, что эти системы взглядов, мягко говоря, слабо согласуются между собой. Впрочем, я решил ему подыгрывать, в надежде, что передо мной просто пьяный чувак, а не реальный поехавший, который может пырнуть меня ножом за критику его системы взглядов. В реальной жизни я таких шизов, правда, не встречал. Зато на всяких полумертвых форумах – сколько угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.